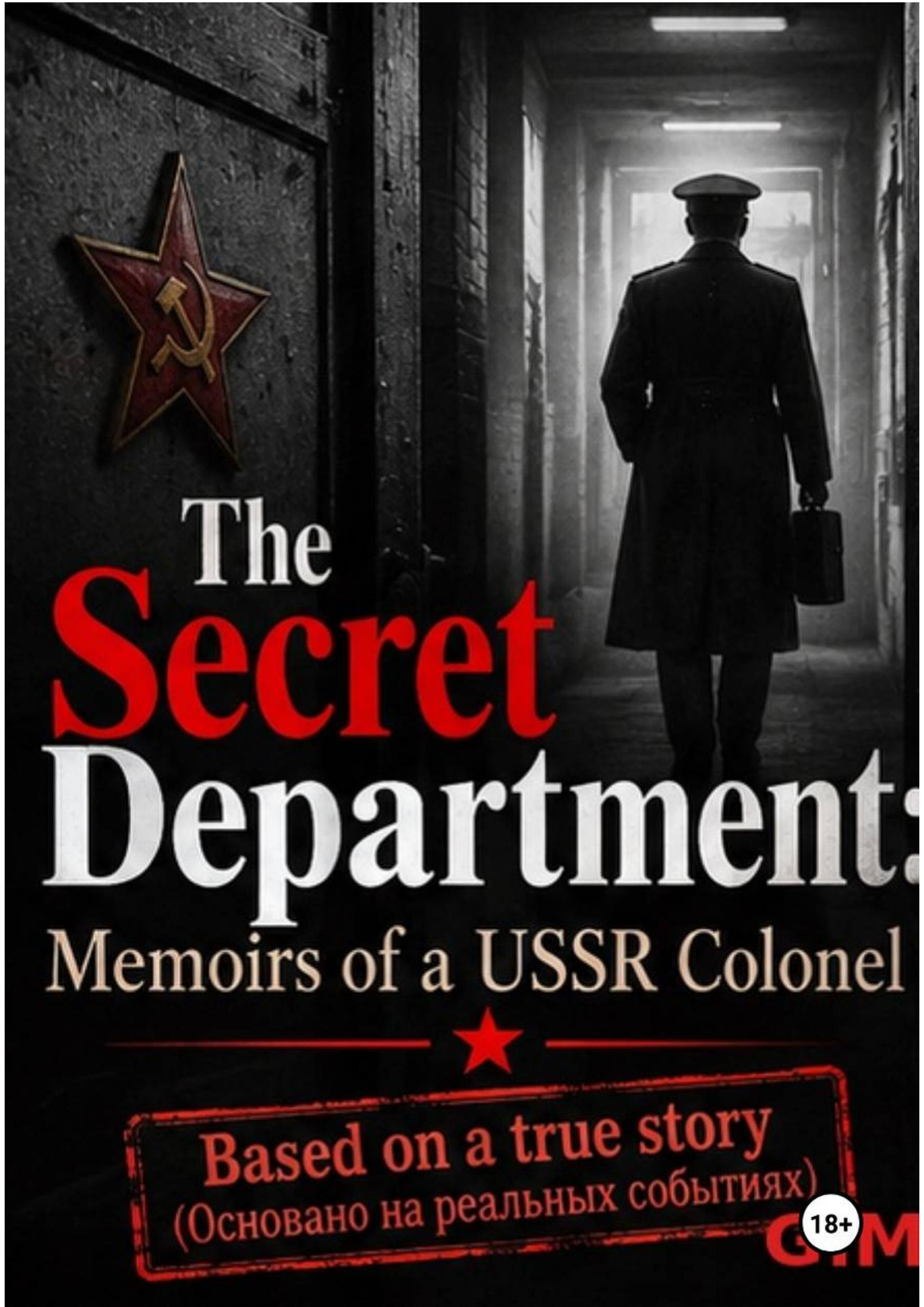

The
Secret
Department:
Memoirs of a USSR Colonel
Based on a true story
(Основано на реальных событиях)
18+

G M

«Секретный отдел: из архивов спецслужб»

«Автор»
2026

M G.

«Секретный отдел: из архивов спецслужб» / G. M — «Автор», 2026

Документальная хроника закрытых спецподразделений и архивов советских спецслужб. Книга основана на подлинных материалах уголовных дел, оперативных сводках и воспоминаниях участников событий, боровшихся с особо тяжкими преступлениями, деструктивными культами и серийными преступниками в эпоху СССР.

© M G., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ 6
ПРОЛОГ 7
ГЛАВА 1: ТЕНЬ И РЕАЛЬНОСТЬ. СПЕЦСЛУЖБЫ И ИХ 8
ГЛАВА 2: ОСОБЫЙ УЧЕТ. СТАТИСТИКА И 10
ГЛАВА 3: РОЖДЕННЫЕ В СССР 11
ГЛАВА 4: РАЗУМ УБИЙЦЫ И МАСКИ БЕЗУМИЯ 12
2. Оперативный тупик и туманные засады 19
3. Роковая ошибка хищника 20
2. Идеальное преступление внутри квартиры 21
3. Просчет в медицинской карте 22
ГЛАВА 14: ДЕЛО «ИВАНОВСКИХ КУЛЬТИСТОВ» И 23
2. Пыточная комната под видом обряда 24
3. Побег из ада и штурм 25
2. Охота на беззащитных 26
3. Штурм подземной камеры 27
ГЛАВА 16: ДЕЛО СЕКТЫ «БЕЛОГО БРАТСТВА» И 28
2. Подпольный пророк и «очищение кровью» 29
3. Предательство внутри культа и финал 30
ГЛАВА 17: ДЕЛО «МАНЬЯКА-ОТРАВИТЕЛЯ» ВАЛЕРИЯ 31
2. Смертельный чаепитие 32
3. Тупик врачей и прорыв транспортников 33
ГЛАВА 18: ДЕЛО «МАНЬЯКА-ЭКЗОРЦИСТА» НИКОЛАЯ 34
2. Катастрофа советского правосудия 35
3. Патруль на реке Исеть и самосуд в камере 36
ГЛАВА 19: ДЕЛО «ПЕРМСКОГО ЛЮДОЕДА» НИКОЛАЯ 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

G M
«Секретный отдел: из архивов спецслужб»

СЕКРЕТНЫЙ ОТДЕЛ: ИЗ АРХИВОВ СПЕЦСЛУЖБ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

Настоящий текст содержит документальный анализ особо тяжких преступлений против личности, проявлений деструктивной патологии и оперативно-розыскной работы закрытых подразделений. Материал предназначен исключительно для исторического и криминалистического анализа.

ПРОЛОГ

Есть вещи, о которых не принято говорить вслух. На протяжении десятилетий советская пресса формировала образ общества, свободного от системных пороков и глубоких социальных болезней. Нам казалось важным сохранять эту уверенность, ограждая граждан от ужасов, которые происходили за плотно зашторенными окнами тихих провинциальных домов и на заброшенных окраинах больших городов.

Но война с внутренним злом не прекращалась ни на минуту. Пока страна восстанавливалась после разрухи, строила заводы, осваивала космос и жила своей обычной мирной жизнью, в тени действовали те, кого обычная милиция просто не имела полномочий и инструментов искать. Для этого существовали мы

— сотрудники межведомственного Секретного отдела. Наша задача заключалась не в том, чтобы сеять панику или устраивать публичные показательные процессы, а в том, чтобы молча, хирургически точно и навсегда устранять угрозу.

Эта книга — не художественный вымысел. Это хроника нашей работы, собранная из пожелтевших папок с грифом «Совершенно секретно», оперативных сводок и личных воспоминаний человека, прошедшего этот путь до конца.

ГЛАВА 1: ТЕНЬ И РЕАЛЬНОСТЬ. СПЕЦСЛУЖБЫ И ИХ

«СПЕЦИАЛЬНЫЕ» АГЕНТЫ

Официальная советская наука и идеология стояли на камне материализма: никаких паранормальных явлений, телепатии или мистики в СССР существовать не могло по определению. Любые проявления экстрасенсорики

или «экстраординарного восприятия» в прессе клеймились как шарлатанство, буржуазный обман и пережиток мракобесия.

Однако неофициально, кулуарно и в условиях строжайшей секретности спецслужбы СССР регулярно прибегали к помощи людей с нестабильными или

«паранормальными» способностями, особенно когда следствие заходило в полный тупик.

В закрытых папках нашего Секретного отдела хранились дела, к которым не подпускали обычных следователей. Когда трупы находили за сотни километров друг от друга, когда не было ни улик, ни свидетелей, ни единого логического следа, а в регионах нарастала скрытая паника, руководство шло на крайние меры. Нас не интересовало, как именно они это делают. Главное было — результат.

Архивные прецеденты и материалы Лубянки фиксируют несколько ключевых направлений этой закрытой работы:

Дело Вольфа Мессинга и розыск дезертиров / шпионов (1940–1950-е гг.) Известный менталист и гипнотизёр Вольф Мессинг официально числился артистом эстрады, но его не раз привлекали к закрытым консультациям в НКВД и

МГБ. В архивах Лубянки сохранились упоминания, что Мессинга использовали для

проверки объектов на предмет скрытых мотивов, а также для работы с пленными или дезертирами методом «психологического сканирования» и внушения.

Широко известен исторический эпизод, когда Мессинг по заданию Лаврентия Берии без документов и пропусков беспрепятственно прошел через несколько постов охраны в Госбанк. Предъявив часовым пустой лист бумаги вместо пропуска, он силой своего внушения заставил охрану воспринять его как спецдокумент наивысшей важности.

В оперативно-розыскных делах (ОРД) его имя никогда не писали прямо — использовались агентурные псевдонимы или устные распоряжения руководства без фиксации в процессуальных протоколах, поскольку показания

«ясновидящего» юридически невозможно было пришить к делу в суде.

Эксперименты НКВД по «биолокации» и биоэнергетике (1930–1940-е гг.) В системе НКВД (особенно в Особом отделе ГУГБ) существовали закрытые лаборатории, изучавшие скрытые резервы человеческой психики. В архивах

упоминается деятельность инженера и изобретателя Александра Керна и других

энтузиастов биолабораторий, которых привлекали к поиску тайников, зарытого оружия и схронов бандитов на Урале и в Сибири с помощью рамок (биолокация).

Хотя на официальном уровне метод отрицался, оперативные группы НКВД регулярно брали с собой «операторов с рамками» на выезды в лесные массивы, когда служебные собаки бессильно теряли след скрывающихся бандформирований.

Курирование КГБ исследований парапсихологии (1970–1980-е годы)

К концу 1970-х годов в СССР дошла оперативная информация о том, что ЦРУ и Пентагон активно финансируют масштабные программы по психотронике и

«удаленному видению» (remote viewing) для поиска советских ракетных шахт и американских заложников.

Реакция КГБ была незамедлительной: Пятое управление КГБ СССР и Военно-промышленная комиссия при Совмине СССР создали секретные темы под шифрами (например, тема «Звезда») при институтах АН СССР. Целью было не столько расследование уголовных дел, сколько проверка возможности использования экстрасенсов для сбора разведывательной информации. К работе привлекались известные советские феномены — например, Нина Кулагина, обладавшая способностью психокинеза (перемещения предметов взглядом).

В закрытых отчетах КГБ фиксировалось: феномены действительно демонстрируют аномальные возможности, но использовать их стабильно в оперативной работе невозможно из-за высочайшей утомляемости субъектов и невозможности запротоколировать «чудо» для советского суда.

Поздний СССР и перестройка: Первые официальные допуски экстрасенсов в УГРО (конец 1980-х гг.)

К 1988–1990 годам на фоне гласности и краха жесткой идеологии запреты начали рушиться. В региональные управления уголовного розыска (особенно в Москве, Ленинграде и на Украине) стали поступать валом письма от граждан, обладавших «ясновидением», которые предлагали помощь в поиске серийных маньяков, в то время как страна содрогалась от дел Чикатило, Головкина и других.

Некоторые отчаявшиеся следователи провинциальных ОВД тайком привозили

«бабушек-шептух» или экстрасенсов к местам преступлений, пытаясь ухватиться за любую соломинку.

ГЛАВА 2: ОСОБЫЙ УЧЕТ. СТАТИСТИКА И

ДИСЦИПЛИНА Работа Секретного отдела строилась на принципах, которые многим казались избыточными, но в реальности спасали тысячи жизней. В то время как районные отделы милиции фиксировали отдельные преступления, наш аппарат занимался системным анализом.

Мы вели строгий статистический учет всех необъяснимых исчезновений, сопоставляли почерки преступников, анализировали географию находок человеческих останков по всей территории страны. Каждый регион — от столичных предместий до отдаленных промышленных центров Сибири и союзных республик — был обязан передавать в наш адрес информацию о любых выходящих за рамки стандартной уголовщины инцидентах.

Дисциплина внутри отдела была железной. Утечка информации каралась жестче, чем любые служебные просчеты. Мы понимали: малейший намек на появление серийного убийцы в советской печати мог породить волну психоза, слухов и недоверия к государственным институтам. Поэтому каждый хищник ликвидировался тихо, а его дело навсегда оседало в архивных сейфах.

ГЛАВА 3: РОЖДЕННЫЕ В СССР

Мой путь в органы государственной безопасности не был случайным. Детство и юность, прошедшие в суровые, но наполненные энтузиазмом годы, закалили характер. Спорт, дисциплина и четкое понимание долга перед родиной сформировали во мне те качества, без которых в нашей структуре делать было нечего.

Сначала была служба в строевых подразделениях, затем — школа уголовного розыска, где учились отличать настоящий след от оперативного шума. Когда руководство обратило внимание на мою способность работать с нестандартными архивными данными и анализировать сложные психотипы преступников, меня перевели в формирующийся аппарат Секретного отдела.

Это было время, когда советская криминалистика только нащупывала методы борьбы с тем, что западная наука называла «серийными убийствами». Мы создавали эти методы с нуля: без компьютеров, без баз данных ДНК,

полагаясь исключительно на оперативную интуицию, выдержку, агентурную сеть и железную логику.

ГЛАВА 4: РАЗУМ УБИЙЦЫ И МАСКИ БЕЗУМИЯ

Обыватели часто называют любого серийного преступника, о котором рассказывают в новостях, «маньяком». В нашей практике всё обстояло иначе.

«Маньяк» — это клинический диагноз, следствие тяжелой патологии. «Серийный убийца» — юридическое определение: два или более эпизода, совершенных в разных местах, между которыми был период «остывания» (временной промежуток, когда преступник возвращается к нормальному состоянию). Мы охотились и на тех, и на других.

Чтобы поймать их, мы не ограничивались дактилоскопией. Мы изучали их мышление. Анализировали психотипы: был ли преступник «организованным» — умным, социально адаптированным, тщательно планирующим каждый свой шаг,

— или «дезорганизованным», импульсивным, оставляющим после себя хаос и улики.

Мы исследовали внутреннюю мотивацию. Одни совершали преступления под влиянием бредовых идей или галлюцинаций. Другие воображали себя

«санитарами общества», очищающими мир от тех, кого они считали недостойными жизни. Третьи искали острых ощущений или стремились к абсолютной власти над беспомощной жертвой, наслаждаясь своим господством.

В официальных архивах МВД и КГБ СССР дела о сатанинских или ритуальных преступлениях долгое время не выделялись в отдельную категорию. Советская идеология отрицала существование как религиозного фанатизма оккультного толка, так и организованных деструктивных сект. Любые подобные проявления квалифицировались оперативными службами как жестокие убийства на почве психических расстройств, хулиганства или аберраций поведения.

В 90% случаев советские следователи сознательно убирали из обвинительных заключений мистический и ритуальный контекст, чтобы не создавать резонанс и не привлекать внимание идеологических органов ЦК КПСС. Дело оформлялось строго по стандартам: «убийство с особой жестокостью из хулиганских побуждений» (ст. 102 УК РСФСР). Кроме того, в СССР никогда не существовало крупномасштабных, разветвленных международных сатанинских орденов. Все подобные дела закручивались вокруг двух-трех челс тяжелыми психическими патологиями (шизофрения, глубокая

психопатия), которые собирали вокруг себя ведомых подростков и оправдывали свои насильственные импульсы оккультной атрибутикой.

Тем не менее, если поднять оперативные сводки, закрытые материалы уголовных дел и послевоенные архивы, вырисовывается целый ряд громких дел, где фигурировали ритуальные элементы, оккультный подтекст или псевдорелигиозная жестокость.

Самыми страшными монстрами были те, кем двигала не просто патология, а изощренные, извращенные идеологии. Работая в Секретном отделе, мы часто сталкивались с закрытыми деструктивными сектами и ритуальными убийцами.

Вы даже не представляете, что мы находили в их убежищах. Тетради, исписанные от руки: темные ритуалы, формулы, заклинания. Среди изъятых материалов попадались самодельные «руководства» по оккультным практикам, разделенные по «уровням силы» — чистой воды клиническая паранойя,

перенесенная на бумагу.

В этих тайниках мы также обнаруживали целые системы мировоззрения. В одном из них нашли нарисованную от руки пирамиду их бредовой веры: на вершине — культ разрушения, ниже — иерархия сущностей, а в самом низу — категории людей, приговоренных ими к уничтожению. Они искренне верили, что являются частью глобального заговора, действовали хладнокровно и совершали реальные убийства во имя своих идей.

Изучая их архивы, мы натыкались на подробные классификации демонологических сущностей, почерпнутые из древних фолиантов и самиздатовских переводов. Преступники заучивали имена, «сферы ответственности» и роли каждого демона, пытаясь оправдать собственную жестокость волей высших сил. Чтобы противостоять им, нам пришлось глубоко погрузиться в мрачные пласты человеческой истории и психологии: от древних представлений о двойственной природе души до мифологических архетипов зла, существующих в разных культурах. Нам нужно было понять, как устроено извращенное воображение преступника, чтобы всегда быть на шаг впереди.

Они чертили сложные схемы, выстраивали собственные псевдорелигиозные иерархии и искренне верили, что стоят на пороге «великого перелома».

Но мы не просто изучали их безумие — мы использовали эти знания против них самих. Изоляция наиболее опасных преступников, привлечение необычных экспертов, тщательный анализ чужой болезненной логики — всё

это было частью нашей работы. Чтобы поймать монстра, порой приходилось мыслить как монстр.

И та дождливая ночь была лишь одним из эпизодов этой бесконечной войны.

ГЛАВА 5: ДЕЛО №1. В. К. — ДУШЕГУБ (МОСКВА)

Изучая архивные фолианты нашего отдела, оперативники неизменно возвращались к истокам. Чтобы понять психологию современных хищников, нужно было досконально изучить, с чего начиналась советская серийная криминалистика. Первым официально задокументированным серийным палачом эпохи стал некто В. К., вошедший в сводки губчека под простым и зловещим прозвищем — Душегуб.

Это было страшное, лихорадочное время восстановления страны после гражданской войны и разрухи. Москва бурлила: открывались рынки, ходили живые деньги новой экономической политики, на улицах толпились тысячи приезжих, спекулянтов, крестьян и беспризорников. Контроль над частным промыслом был номинальным. В. К. внешне ничем не выделялся на общем фоне: работал обычным извозчиком, снимал скромное жилье, слыл среди соседей тихим, молчаливым и безобидным работягой, который никогда не повышал голос на лошадь.

Но за этой маской скрывался холодный, расчетливый ум конвейерного убийцы. Схема его преступлений поражала циничной простотой. В. К. по утрам выезжал на конские и товарные рынки столицы, высматривал приезжих из провинции, крестьян и зажиточных торговцев, привезших наличные деньги. Он втираясь в доверие, предлагал посмотреть «отличную лошадь» по дешевке и заманивал жертв к себе во двор.

Когда гость терял бдительность за рюмкой водки, В. К. наносил смертельный удар тяжелым молотком по голове. После этого он забирал деньги, упаковывал тело в мешки и под покровом ночи вывозил к Москве-реке или закапывал на пустырях. За время своей вакханалии он лишил жизни 29 человек.

Самое чудовищное заключалось в соучастии семьи: жена помогала смывать кровь и прятать вещи, пока дети спали в соседней комнате. Поймать Душегуба удалось после того, как в районе стали находить мешки с телами, а сыщики перекрыли рынки. При обыске нашли окровавленный молоток и вещи жертв. Трибунал приговорил В. К. и его соучастницу к расстрелу.

ГЛАВА 6: ДЕЛО №2. КОТЛЕТЫ У МЕТРО (МОСКВА)

Каждый раз, когда я мысленно возвращаюсь к этому делу, внутри меня словно обрывается струна. Это был один из самых жутких, отвратительных и противоестественных эпизодов за всю историю советской криминалистики.

Возле одной из оживленных станций московского метрополитена располагалась популярная торговая палатка, где продавались сочные жареные котлеты с хлебом и горчицей. Очередь не иссякала с утра до вечера. Но в один день покупатель обнаружил в котлете фрагмент чело-

веческой кожи с татуировкой. Вызванная милиция и эксперты подтвердили: в фарше содержались человеческие ткани.

Секретный отдел взял дело под контроль. Выяснилось, что поставщиком мяса был дельцов, вступивший в сговор с главным санитаром хирургического корпуса городской больницы, который за взятки передавал ампутированные конечности. Но больничных отходов на такие объемы не хватало. Оперативники вышли на частный дом на окраине.

Кинологическая служба нашла в саду закопченные останки 35 человек. Семейная пара организовала настоящий промысел: жена заманивала мужчин с вокзалов, поила снотворным, а муж убивал их топором. Мякоть пускали на фарш для котлет, а остатки закапывали. В ходе расследования была вскрыта сеть коррупции: арестовали не только маньяков, но и врачей, санитарных инспекторов и участкового. Суд приговорил организаторов к расстрелу.

ГЛАВА 7: ДЕЛО №3. Ф. Т. — ЛЕНИНГРАДСКИЙ

ПОТРОШИТЕЛЬ (1945–1946) После окончания Великой Отечественной войны Ленинград жил в особом, надломленном и суровом режиме. Город, едва очнувшийся от страшной блокады и непрерывных бомбежек, медленно возвращался к мирной жизни, однако криминогенная обстановка в нем была раскалена до предела. Сотни тысяч людей — демобилизованные солдаты, эвакуированные, беспризорники, уголовники и спекулянты — ежедневно заполняли вокзалы, толкучки и промышленные зоны. Именно в этой мутной воде послевоенного хаоса начал действовать один из самых циничных, хладнокровных и скрытных преступников того времени — некто Ф. Т.

Ф. Т. обладал идеальным прикрытием: он был инвалидом войны, имел официальные документы комиссованного фронтовика и пользовался абсолютным, ничем не омраченным доверием окружающих. На Смоленском

рынке — шумном эпицентре нелегальной торговли, обмена вещами и черного рынка — он выглядел как обычный несчастный человек, пострадавший от войны, который ищет случайную подработку или просто ведет неспешные разговоры с прохожими. Ни один патрульный милиционер не смел заподозрить фронтовика с боевыми орденами.

Однако за этой благообразной внешностью скрывался безжалостный хищник. Схема его преступлений была отточена до совершенства. На рынке Ф. Т. высматривал одиноких приезжих, наивных провинциалов, крестьян из Ленинградской области, привозивших на продажу продукты питания, или людей, отчаянно искавших дешевое временное жилье и скупку вещей. Втираясь в доверие благодаря своему фронтовому прошлому и физическому недугу, он участливо предлагал им выгодную сделку или ночлег в своем уединенном бараке на окраине.

Ничего не подозревающие жертвы покорно следовали за ним. Как только несчастный челпереступал порог тускло освещенной комнаты, Ф. Т. мгновенно преображался. Используя фактор абсолютной внезапности, он заходил со спины и наносил сокрушительный удар тяжелым строительным колуном по голове. Удары были такой чудовищной силы, что смерть наступала мгновенно, без единого крика.

После убийства Ф. Т. скрупулезно, словно заправский мародер, обыскивал одежду жертвы, забирая абсолютно всё: наличные деньги, продуктовые карточки, отрезы ткани, обувь и добротные пальто. Тела он тщательно упаковывал в мешки и под покровом непроглядной ночной темноты на ручной тележке или санках вывозил к глубоким ленинградским каналам и глухим технологическим водоемам, сбрасывая их под лед или в воду.

За время своей преступной деятельности Ф. Т. лишил жизни 14 человек.

Поводом для вмешательства Центрального аппарата и спецслужб стало систематическое обнаружение человеческих останков водолазами и рабочими при расчистке и углублении городских каналов. Аналитики Секретного отдела провели масштабный пространственно-временной сопоставительный анализ мест обнаружения тел и векторов перемещения пропавших

без вести граждан. Точкой схождения всех невидимых нитей неизменно оказывался Смоленский рынок.

Оперативные сотрудники управления устроили тотальную, негласную слежку за рыночными торговцами, зазывалами и постоянными посетителями. В поле зрения сыщиков попал тот самый инвалид, который регулярно приводил к

себе в барак новых незнакомцев, при этом никто из них никогда не покидал его жилище обратным путем.

Задержание проводилось группой захвата с соблюдением максимальных мер предосторожности. При внезапном штурме барака и подсобных построек оперативники обнаружили то, от чего застыла кровь: десятки личных вещей, документов и элементов одежды, принадлежавших пропавшим без вести людям, а также тот самый колун с въевшимися бурыми пятнами крови.

Военный трибунал Ленинградского округа признал Ф. Т. виновным в серии особо тяжких преступлений против личности и приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение.

ГЛАВА 8: ДЕЛО №4. В. В. — СВЕРДЛОВСКИЙ

ПОДРОСТОК-УБИЙЦА (1938–1940) Анализируя закрытые исторические архивы нашего ведомства, аналитики Секретного отдела всегда выделяли особую, пугающую категорию дел — те, в которых насилие исходило от лиц несовершеннолетнего возраста, обладавших глубокими клиническими патологиями. Одним из самых аномальных, тяжелых и психологически сложных расследований довоенного периода стало дело В. В., действовавшего на территории Свердловской области.

В. В. вошел в оперативные реестры спецслужб как один из самых молодых серийных хищников за всю историю отечественной правоохранительной системы. На момент совершения своих первых нападений ему исполнилось всего 15 лет. Внешне он выглядел как обычный советский подросток-школьник, не привлекавший к себе ни малейшего внимания прохожих, милиционеров или учителей. Эта внешняя невзрачность и полная социальная растворимость позволяли ему беспрепятственно перемещаться по городским улицам, паркам и рабочим поселкам.

Его жертвами становились самые беззащитные существа — малолетние дети, малыши дошкольного и младшего школьного возраста. В. В. выслеживал их у детских садов, во дворах и на окраинах улиц, используя примитивные, но безотказные детские предлоги: обещание показать красивую игрушку, птичье гнездо, угостить леденцом или помочь найти заблудившуюся кошку.

Заманив ребенка в глухой лесной массив, на заброшенную стройку или в бурьян на окраине поселка, В. В. проявлял крайнюю степень жестокости. Он

подвергал детей тяжелым издевательствам и насилию, после чего уничтожал их, нанося смертельные травмы или удушая подручными средствами.

За период своей преступной активности он совершил нападения более чем на десяток детей, из которых от 8 до 12 эпизодов закончились летальным исходом.

Главная драма и оперативный тупик этого расследования заключались в мощнейшем психологическом барьере самого следствия. В те годы советская криминалистическая школа, юридическая наука и правоохранительная практика даже на уровне гипотез не допускали мысли о том, что за серией зверских, изощренных убийств детей может стоять школьник-подросток. Следователи упорно искали взрослых рецидивистов, бывших каторжан, проверяли списки пациентов психиатрических лечебниц и рабочих заводов, тратя драгоценные недели и месяцы на отработку абсолютно ложных версий.

Переломить ход расследования удалось лишь тогда, когда к делу подключилась аналитическая группа Секретного отдела. На основе кропотливого сопоставления показаний свиде-

телей, видевших «странного подростка» рядом с пропавшими детьми, был составлен революционный для того времени поведенческий профиль: полная свобода перемещения в дневные часы, отсутствие страха перед детскими учреждениями, юный возраст и способность мгновенно вызывать доверие у малышей.

В районе вероятного появления преступника была развернута масштабная скрытая засада с участием сотрудников в штатском и агентуры. В. В. был застигнут практически с поличным в момент, когда он пытался увести

очередного ребенка в лесополосу.

Следствие по делу велось в условиях строжайшей секретности под контролем Москвы. Несмотря на несовершеннолетний возраст обвиняемого, комплексная судебно-психиатрическая экспертиза признала его вменяемым, осознающим характер своих действий и несущим за них ответственность. Суд применил к В. В. высшую меру наказания — расстрел.

ГЛАВА 9: ДЕЛО №5. В. И. — МОСГАЗ (МОСКВА,

ИВАНОВО, КАЗАНЬ, 1963–1964) В истории отечественных правоохранительных органов случались чрезвычайные происшествия, которые из-за масштаба паники и угрозы общественной безопасности немедленно становились предметом личного доклада первому лицу государства. Дело В. И. — человека, чьи дерзкие

преступления парализовали нормальную жизнь сразу в нескольких крупных регионах страны и заставили экстренно перестраивать всю систему коммунальной и городской безопасности, — принадлежит именно к этому ряду.

В. И. действовал с такой наглостью и хладнокровием, которые ввергали в шок милицейское руководство. Его оперативная тактика строилась на чистом прагматизме и эксплуатации доверия советских граждан к официальным службам. Преступник беспрепятственно перемещался между крупнейшими промышленными и административными центрами СССР — Москвой, Иваново, Казанью, — используя поддельные удостоверения и легальные легенды коммунальщиков.

Представляясь сотрудником столичного «Мосгаза», аварийной службы или инспектором городского жилищного хозяйства, В. И. уверенно звонил в двери квартир в дневные часы. Это было время, когда главы семей находились на заводах и в учреждениях, а дома оставались только женщины, пожилые люди и малолетние дети.

Стоило хозяйке приоткрыть дверь и услышать формулировку про «проверку газовой аппаратуры», как преступник уверенно шагал внутрь. Оказавшись в квартире, он мгновенно блокировал входную дверь. Не вступая в долгие разговоры, В. И. извлекал из сумки небольшой приспособленный топорик или молоток и наносил сокрушительные, смертельные удары по головам и шеям жертв.

После расправы он производил поверхностный обыск комнат, забирая скромные сбережения, облигации государственного займа, радиоприемники, часы или отрезы ткани. Создавалось отчетливое впечатление, что убийства совершались не столько ради материальной наживы (похищенное имущество часто стоило копеек), сколько для удовлетворения глубокой, ненасытной внутренней потребности в уничтожении.

За короткий промежуток времени В. И. лишил жизни нескольких человек, включая детей, чьи тела были обнаружены в ужасающем состоянии.

В Москве возникла реальная угроза массовой истерии и паники. Жители столицы поголовно отказывались открывать двери любым коммунальным службам, слесарям и участковым. Руководство страны потребовало от министерства внутренних дел и КГБ результатов в кратчайшие сроки. Дело было взято под личный контроль высшего партийного руководства.

К поиску были подключены все наличные силы уголовного розыска и секретных подразделений. Аналитики Секретного отдела развернули

беспрецедентную работу по отслеживанию каналов сбыта похищенных вещей

— часов, облигаций и мелкой бытовой техники — по всей европейской части страны. Именно единичные попытки сбыта краденого в провинциальных комиссионках позволили зафиксировать вектор перемещения преступника.

Оперативная комбинация вывела следственную группу на Казань, куда В. И. направлялся к своей очередной сожительнице. Задержание было проведено молниеносно прямо на перроне железнодорожного вокзала: оперативная группа скрутила преступника за считанные секунды, не дав ему возможности воспользоваться спрятанным оружием.

Следствие и судебное разбирательство прошли в рекордные сроки. Приговор был вынесен незамедлительно: высшая мера наказания — расстрел. Приговор был приведен в исполнение по личному распоряжению руководства страны, желавшего продемонстрировать неотвратимость возмездия за подобные преступления.

ГЛАВА 10: ДЕЛО №6. Б. С. (КУЙБЫШЕВ)

Разработка фигуранта Б. С. в Куйбышеве вошла в архивы как классический пример проявления тяжелейшего клинического психоза, при котором акты насилия принимают форму стихийной, безудержной и слепой агрессии.

Б. С. действовал в крупном промышленном и рабочем центре Поволжья. Его тактика отличалась поразительной физической дерзостью и абсолютным игнорированием инстинкта самосохранения. В темное время суток он беспрепятственно перемещался по частному сектору и рабочим окраинам города, выискивая одноэтажные дома или квартиры, расположенные на первых этажах.

Проникновение внутрь осуществлялось путем выставления оконных рам или грубого взлома примитивных дверных запоров. Оказавшись в темном доме, где мирно спали люди, Б. С. устраивал стремительную, кошмарную расправу. В качестве орудий он использовал тяжелые подручные предметы — топоры, строительные ломы или слесарные молотки. Он методично атаковал целые семьи, не делая ни малейших различий между взрослыми и детьми, нанося десятки тяжелейших травм.

Анализ мест преступлений показывал, что преступник находился в состоянии глубокого психотического эпизода. Похищение имущества носило вторичный, совершенно хаотичный характер: Б. С. мог унести какую-то абсолютно бесполезную мелочь, бросив на видном месте деньги и ценные вещи.

Город погрузился в атмосферу жесткого ночного комендантского режима. Улицы патрулировались усиленными нарядами милиции и дружинников. Секретный отдел выделил главный почерк: феноменальная физическая сила, знание планировок рабочих посёлков и способность бесшумно перемещаться по крышам. Тотальная проверка рабочих общежитий и заводских профилакториев позволила вычислить фигуранта. При задержании он оказал бешеное сопротивление, но был сломлен спецгруппой. Суд приговорил его к расстрелу.

ГЛАВА 11: ДЕЛО №7. А. С. (СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ)

Дело А. С. вошло в учебники нашего отдела как самый тяжелый урок социальной мимикрии и маскировки. А. С. был глубоко уважаемым человеком в крае: школьным учителем, членом КПСС и бессменным руководителем детского туристско-спортивного клуба. У него был непререкаемый авторитет перед родителями, партийным руководством и властями.

За этой безупречной фасадной маской скрывалась чудовищная педофильная и садомазохистская патология. Более двадцати лет под видом

«военно-патриотического воспитания» и «научных экспериментов по закалке воли» он создал закрытую систему истязаний подростков. Он уводил мальчиков в глухие лесные массивы и подземные бункеры, где подвешивал их на веревках, душил до потери сознания и снимал всё это на кинопленку. Погибших детей он закапывал в лесу.

Разоблачить его удалось благодаря заявлению выжившего воспитанника и анализу пропавших детей в одном районе. В тайниках А. С. нашли километры кинопленок с пытками. Суд приговорил его к расстрелу.

ГЛАВА 12: ДЕЛО №8. В. Р. — КУРСКИЙ НОЧНОЙ

ОХОТНИК (1968–1970) 1. Тень над проспектами провинциального города

Конец 1960-х годов в Курске ознаменовался событиями, о которых в советских газетах не писали никогда. Официальная пресса вовсю рапортовала о досрочном выполнении пятилетних планов, о триумфе социалистического труда и счастливом советском детстве. Но за фасадом тихих провинциальных улиц, где по вечерам горели редкие желтые фонари, разворачивалась драма, державшая в страхе всё руководство областного управления милиции.

В районе пригородных зон, у железнодорожных насыпей, вблизи промышленных окраин и заброшенных садово-огородных товариществ стали пропадать женщины. Сценарий всегда был пугающе одинаковым: работница текстильного комбината или трикотажной фабрики возвращалась со второй смены домой, срезая путь через неосвещенный пустырь или лесополосу. До дома она не доходила.

Спустя несколько дней или недель случайные грибники или рабочие путевых обходов находили в оврагах страшные находки. Характер повреждений тел заставил содрогнуться даже видавших виды судмедэкспертов: преступник действовал с хладнокровной расчетливостью мясника, тщательно уничтожая любые возможности для опознания.

2. Оперативный тупик и туманные засады

Местный уголовный розыск работал на пределе человеческих возможностей. Проверялись все ранее судимые лица, бродяги, пациенты областной психиатрической больницы. Прочесывались заброшенные постройки, отрабатывались пассажиры пригородных электричек. Но результатов не было. Убийца не оставлял ни отпечатков пальцев, ни волокон ткани, ни случайных свидетелей. Служебные собаки неизменно теряли след на асфальте или у оживленных автодорог.

Когда число подтвержденных жертв перевалило за пять, в Курск по закрытым каналам прибыла оперативно-аналитическая группа нашего Секретного отдела.

Мы начали с того, что отбросили стандартные версии о банальном грабеже (ценности и часы часто оставались на месте тел). Аналитики построили пространственную карту всех исчезновений. Выяснилось удивительное: точки атак образовывали четкий геометрический вектором, сходившийся к одному из крупных транспортных узлов рабочей окраины. Преступник прекрасно знал местность, умел растворяться в темноте и, судя по всему, обладал абсолютным хладнокровием.

3. Роковая ошибка хищника

Понимая, что грубая сила здесь не поможет, мы разработали многоуровневую операцию-ловушку. В потенциальных зонах риска были развернуты десятки скрытых постов. В роли «живой наживки» в темное время суток по опасным тропам под прикрытием негласных групп захвата ходили сотрудники в гражданской одежде.

Осенью 1970 года погода выдалась слякотной, дождливой. Ветер гнал по земле опавшую листву. На одной из темных тропинок у железнодорожного полотна скрытая засада услышала сдавленный женский крик.

Оперуполномоченные бросились на звук через кустарник. Фигурант В. Р. уже навалился на жертву, зажав ей рот рукой, когда в темноте вспыхнули лучи милицейских фонарей. Убийца попытался выхватить самодельный клинок, но группа захвата отработала молниеносно: удар в прыжке, сбив с ног, тяжелые наручники за спиной.

При обыске в его тесном полуподвальном помещении оперативники обнаружили вещественные доказательства, закрывшие всю серию: спрятанные сумочки, платки и личные вещи пропавших женщин, а также окровавленный нож. Суд приговорил В. Р. к исключительной мере наказания.

ГЛАВА 13: ДЕЛО №9. В. К. — ДОКТОР СО СКАКАЛКОЙ

(ИРКУТСК, 1971–1973) 1. Белый халат как индульгенция на смерть

В человеческом сознании образ врача прочно спаян с понятием спасения. Советский челс детства знал: доктор — это тот, кто придет на помощь, выслушает, поставит диагноз и вернет здоровье. В Иркутске в начале 1970-х годов эта священная вера была цинично и безжалостно растоптана человеком, носившим белый халат.

В. К. работал выездным врачом скорой медицинской помощи. Интеллигентный, подтянутый, с мягким голосом и безупречными манерами, он внушал абсолютное доверие с первой секунды. Его официальное удостоверение и красный крест на фельдшерской сумке открывали перед ним любые двери — от элитных квартир партийных работников до заброшенных бараков на окраинах.

Никто в больнице не мог предположить, что за улыбкой спасателя скрывается холодный разум серийного убийцы. В. К. выбирал жертв среди одиноких женщин, матерей, остававшихся дома с детьми, или пожилых людей. Под видом

«обязательного профилактического осмотра по распоряжению горздрава» или

«проверки эпидемиологической обстановки» он беспрепятственно проникал внутрь жилища.

2. Идеальное преступление внутри квартиры

Оказавшись наедине с жертвой, В. К. запирал входную дверь изнутри. Его действия были выверены до автоматизма: под предлогом измерения давления или укола он усаживал жертву, после чего внезапно нападал, используя для удушения подручные средства. В арсенале преступника часто фигурировали обычные детские спортивные скакалки или резиновые жгуты — их было легко спрятать в медицинском чемоданчике, а после убийства они не оставляли специфических следов на теле, которые могли бы навести экспертов на мысль о следах борьбы.

На его счету оказалось 13 доказанных человеческих жизней. Ужас ситуации усугублялся тем, что после совершения расправы В. К. хладнокровно приводил себя в порядок, мыл руки в ванной, забирал ценные мелочи для маскировки под грабеж и возвращался на подстанцию, где заступал на следующие сутки дежурства.

3. Просчет в медицинской карте

Поймать «доктора-смерть» удалось благодаря скрупулезной аналитической работе сотрудников Секретного отдела, сопоставивших то, что местная милиция считала несчастными случаями и внезапными смертями от сердечных приступов.

Аналитики запросили архивы городской станции скорой помощи за последние два года. Каждую карту вызова сопоставили с датами и адресами гибели граждан. Выяснилось потрясающее воображение совпадение: на всех адресах, где позже находили убитых, незадолго до трагедии фиксировались вызовы скорой помощи. И в каждом из этих случаев бригаду возглавлял или входил в её состав врач В. К.

Ловушка захлопнулась на утренней пересменке. Когда В. К. вошел в ординаторскую, дверь бесшумно затворилась за спиной двух офицеров КГБ в штатском. В его медицинском чемодане лежали вещи последней жертвы. Суд

приговорил его к расстрелу.

ГЛАВА 14: ДЕЛО «ИВАНОВСКИХ КУЛЬТИСТОВ» И

«ИЗГНАНИЯ БЕСОВ» (ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, 1974–1975) 1. Тьма за плотными ставнями

Официально по документам ОРД это преступление проходило под стандартным грифом: «Групповое убийство с особой жестокостью, совершенное на почве религиозно-мистического бреда» (ст. 102 УК РСФСР).

В глухом, полузаброшенном поселке Ивановской области в частном доме с плотно закрытыми ставнями сформировалась замкнутая семейная коммуна. Её главой и душевным повелителем стал Василий Морозов — человек, страдавший тяжелейшей формой прогрессирующей параноидной шизофрении с выраженным религиозно-пророческим уклоном.

Морозов объявил себя «новым пророком» и «великим экзорцистом». В какой-то момент его бредовые галлюцинации достигли пика: он объявил собственную жену и двоих соседей по дому «одержимыми легионом бесов». Внушив членам своей коммуны, что душа человека может быть спасена лишь через «очищение плоти огнем и железом», Морозов приступил к кровавым «ритуалам».

2. Пыточная комната под видом обряда

В течение нескольких суток в запертом доме происходил настоящий ад. Морозов и его ведомые последователи проводили дикие «обряды экзорцизма». Жертв связывали бельевыми веревками, наносили им многочисленные колотые раны самодельными деревянными и металлическими крестами-пиками, прижигали плоть раскаленными в печи кочергами и насильно заставляли пить едкую смесь уксуса и древесного пепла — «чтобы сожчь беса изнутри».

Когда одна из женщин не выдержала издевательств и скончалась от болевого шока, Морозов объявил её тело «окончательно очищенным и вознесенным». Останки сбросили в подпол, а «экзорцизм» с удвоенной жестокостью продолжили над следующей жертвой.

3. Побег из ада и штурм

Раскрыть кошмарную коммуну удалось благодаря случаю. Один из несовершеннолетних членов семьи, подвергавшийся истязаниям, ночью сумел ослабить путы, вылез через небольшое окно сарая и босиком по снегу добежал до соседней деревни. Мальчик упал без сознания прямо на пороге дома местного участкового.

Оперативная группа районного ОВД и Секретного отдела немедленно выехала на место. При попытке войти в дом сектанты забаррикадировали двери, оказывали яростное сопротивление, швыряли в оперативников предметы и выкрикивали безумные заклинания.

После взлома дверей и штурма Морозов и его подельники были скручены. В подвале оперативники нашли останки двух замученных человек. По заключению судебно-психиатрической экспертизы Государственного НИИ им. Сербского Василия Морозова признали полностью невменяемым и направили на бессрочное принудительное лечение в специальную психиатрическую больницу закрытого типа.

ГЛАВА 15: ДЕЛО №10. С. Г. — ПОДЗЕМНЫЙ

ИНКВИЗИТОР «ФИШЕР» (ПОДМОСКОВЬЕ, 1986–1992) 1. Архитектура абсолютного зла

Имя Сергея Головкина, оперативно зафиксированного в закрытых документах как «Фишер», стало символом наиболее технологически изощренного и страшного террора на территории Московской области в эпоху перестройки.

По официальной легенде Головкин был тихим, исполнительным специалистом по разведению животных, кандидатом сельскохозяйственных наук, человеком, прекрасно разбиравшимся в биологии, анатомии и повадках живых существ. Никто из соседей по подмосковным дачам и гаражным кооперативам не мог поверить, что этот интеллигентный мужчина с очками на носу ночами превращается в безжалостного монстра.

Годами Головкин методично и хладнокровно готовился к своей охоте. На территории заброшенных гаражных кооперативов и в глухих лесных массивах Одинцовского района он своими руками выкопал и оборудовал целую сеть подземных бункеров. Это были настоящие инженерные сооружения: с укрепленными бетонными перекрытиями, двойными звукоизоляционными дверями, системами вентиляции и автономным освещением от аккумуляторов. Внутри находились столы для фиксации, наборы хирургических инструментов и камеры пыток.

2. Охота на беззащитных

Жертвами «Фишера» становились мальчики и подростки в возрасте от 9 до 15 лет. Головкин подстерегал их у железнодорожных платформ, в парках и у спортивных секций. Используя богатый арсенал манипуляций — обещания показать редких породистых животных, помочь достать дефицитные запчасти для велосипедов или сняться в учебном фильме о природе, — он заманивал детей в свои подземные ловушки.

Внутри бункеров разворачивались жуткие сцены: на протяжении многих дней детей подвергали жесточайшим истязаниям, издевательствам и садистским процедурам. После убийства Головкин с медицинским хладнокровием разделывал тела, упаковывал останки в мешки и закапывал их в лесах или сбрасывал в болота, используя свои познания зоотехника для полного уничтожения следов.

Поиски продолжались несколько лет. Местные ОВД фиксировали исчезновения детей как несвязанные между собой побеги из дому. Лишь создание междисциплинарной следственно-оперативной группы с участием аналитиков Секретного отдела позволило объединить разрозненные эпизоды в единое целое.

3. Штурм подземной камеры

Сыщики применили метод пространственного картографирования, наложив точки исчезновения детей на карты владельцев гаражных боксов, имевших повышенное энергопотребление и замеченных в частых поездках в лес. Круг сузился до Головкина.

Задержание проводилось группой специального назначения. Когда оперативники взломали массивную дверь гаража и обнаружили замаскированный в полу люк, перед ними открылся спуск в мрачное подземелье. Внутри бункера

были найдены личные вещи жертв, дневники маньяка с подробным описанием каждого убийства и орудия пыток.

Судебный процесс над Головкиным шел под строжайшим грифом секретности. Он был признан полностью вменяемым. Дело «Фишера» вошло в отечественную юридическую историю как последнее уголовное дело, по которому судом был вынесен и приведен в исполнение смертный приговор (расстрел в Бутырской тюрьме в 1996 году).

ГЛАВА 16: ДЕЛО СЕКТЫ «БЕЛОГО БРАТСТВА» И

ПЕРМСКОГО МОЛОТОБОЙЦА (ПЕРМСКАЯ ОБЛАСТЬ, 1977–1981) 1. Кровавые раны

в форме креста

В конце 1970-х годов в УВД Пермского облисполкома начали поступать доклады, от которых у опытных следователей седели волосы. В рабочих поселках, на окраинах промышленных зон и вдоль железнодорожных

насыпей вокруг Перми систематически находили тела молодых женщин и несовершеннолетних девушек.

Почерк преступника был чудовищным: черепа жертв были буквально размножжены тяжелым предметом, а на теле ножом или заточенным инструментом были вырезаны глубокие колото-резанные раны в форме ровного креста.

Районные отделы милиции долгое время не могли связать эти дела в единую цепь. В условиях стандартной отчетности районные начальники списывали убийства на «пьяные драки на окраинах», «бытовые конфликты» и нападения хулиганов. Лишь после того, как к производству подключились областной уголовный розыск и эксперты Секретного отдела, стало понятно: в Пермской области действует опасная, глубоко законспирированная оккультная группа под руководством законченного психопата.

2. Подпольный пророк и «очищение кровью»

Главным фигурантом дела являлся некто Александр Назаров, проходивший в оперативных ориентировках под зловещей кличкой «Молотобоец». Назаров, обладавший тяжелыми шизофреническими поражениями психики и пророческим комплексом, сформировал вокруг себя подпольную коммуну из ведомых подростков, маргиналов и социально неблагополучных женщин.

Назаров объявил себя «избранным пророком» и проповедовал культ «очищения через кровь и боль». Для вступления в его культ адепты должны были проходить жестокие испытания, а посторонние женщины воспринимались им как «носители демонических сущностей», которых необходимо физически уничтожить ради

«спасения земли от скверны». Назаров лично выходил на «промысел», вооруженный тяжелым кузнечным молотком и заточенным напильником.

3. Предательство внутри культа и финал

Оперативная разработка продвигалась с колоссальным трудом. Свидетелей не было: Назаров нападал в глухих сумерках, а его адепты покрывали своего

«мессию» из-за слепого страха перед духовно-физической расправой. Оперативники выставили десятки засад на заброшенных дачах и у промзон, параллельно прочесывая через агентуру психдиспансеры и кружки нелегального эзотерического самиздата.

Перелом произошел тогда, когда один из юных членов культа не выдержал увиденного. Назаров приказал ему лично участвовать в расчленении тела

очередной убитой девушки. Подросток испугался, что станет следующей жертвой, и ночью сбежал в ближайшее отделение милиции.

Штурм дома Назарова проводился силами специального отряда. На чердаке его дома оперативники обнаружили самодельный оккультный алтарь, окровавленные

кузнечные молоты, напильники и дневники с подробным описанием «кровавых жертвоприношений». Судебно-психиатрическая экспертиза признала Назарова вменяемым, сохраняющим способность отдавать отчет своим действиям. В 1982 году по приговору суда он был расстрелян.

ГЛАВА 17: ДЕЛО «МАНЬЯКА-ОТРАВИТЕЛЯ» ВАЛЕРИЯ

НЕСТЕРОВА («САТАНИНСКИЙ НАПИТОК», 1980–1982) 1. Яд в ночном экспрессе

Преступления на транспорте всегда считались одной из самых сложных категорий для оперативной разработки. Смена регионов, тысячи случайных пассажиров, счесывание следов — всё это создавало идеальные условия для хищников.

Валерий Нестеров орудовал в поездах дальнего следования и на железнодорожных вокзалах по ключевому маршруту Москва — Урал. По официальной квалификации ОРД его дела проходили как «Серийные убийства из корыстных и садистских побуждений с использованием сильнодействующих ядовитых веществ». На его счету было 7 официально зафиксированных смертей.

Нестеров, начитавшись контрабандных оккультных трактатов и книг по фармакологии ядов, возомнил себя «посланником хаоса». В его искривленном сознании запечатлелась бредовая идея о том, что ему «предначертано забирать чужие жизни, чтобы перекачивать чужую жизненную энергию для продления собственного существования».

2. Смертельный чаепитие

Тактика Нестерова была артистичной и циничной. Он покупал билеты в купейные вагоны, выбирал попутчиков из числа зажиточных командировочных или граждан с наличными деньгами, легко втираясь в доверие за неспешным поездным разговором.

В подходящий момент, когда попутчик отвлекался, Нестеров подсыпал ему в чай или алкоголь смертельные дозы кустарно изготовленных ядов — сложных

растворов на основе соединений таллия, клофелина и технических спиртов. Пока жертва умирала в страшных мучениях прямо у него на глазах, Нестеров со скрещенными руками хладнокровно наблюдал за «агонией», изучая фазы угасания жизни. После этого он обыскивал вещи, забирал деньги, золотые часы и спокойно сходил на ближайшей станции.

3. Тупик врачей и прорыв транспортников

Долгое время следствие находилось в тупике. Судмедэксперты и врачи станций скорой помощи на остановках списывали внезапные смерти пассажиров в поездах на «острую сердечную недостаточность», «инсульт» или «отравление некачественным алкоголем». Никому в голову не приходило объединить случаи, происходившие за сотни километров друг от друга.

Перелом наступил тогда, когда аналитики УВД на транспорте и Секретного отдела провели сквозной сопоставительный анализ списков пропавших ценных вещей у скоропостижно скончавшихся пассажиров на северном и уральском направлениях. Вырисовался один и тот же маршрутный вектор.

Нестерова вычислили при попытке сбыть в комиссионный магазин золотые наручные часы, принадлежавшие одной из последних жертв. При обыске на его квартире оперативники были шокированы: Нестеров оборудовал настоящую химическую лабораторию по выгонке ядов, а в его столе лежала тетрадь со списком погибших, напротив фамилий которых стояли оккультные знаки. По приговору суда Нестеров был расстрелян.

ГЛАВА 18: ДЕЛО «МАНЬЯКА-ЭКЗОРЦИСТА» НИКОЛАЯ

ФЕФИЛОВА (СВЕРДЛОВСК, 1982–1988) 1. Тень в Центральном парке

Свердловск 1980-х годов был крупным, закрытым промышленным мегаполисом. Но даже там, за колючей проволокой оборонных заводов, разворачивались трагедии, ставшие впоследствии одной из самых позорных и печальных страниц в истории советского правосудия.

В период с 1982 по 1988 год в ЦПКиО им. Маяковского и вдоль набережной реки Исеть начали пропадать и гибнуть девушки и несовершеннолетние девочки. Все жертвы были задушены, а после смерти их тела подвергались жестоким надругательствам.

За этими преступлениями стоял Николай Фефилов — внешне абсолютно неприметный человек, живший обычной жизнью советского рабочего. Его

внутренний мир был изуродован тяжелейшим религиозно-экзорцистским бредом. На допросах Фефилов признавался, что искал в женщинах «одержимых дьяволом» и, удушая их руками или веревкой, он якобы «изгонял бесов» и

«спасал их грешные души».

2. Катастрофа советского правосудия

Самая страшная страница этого дела заключается не только в жестокости маньяка, но и в том, как на это реагировала следственная система. Из-за жесткого давления областного руководства, требовавшего немедленных результатов и раскрываемости, следователи местной прокуратуры и милиции начали штамповать дела, выбивая признания из первых попавшихся подозрительных лиц.

В результате фальсификаций и пыточных допросов три абсолютно невиновных человека были признаны серийными убийцами:

1. Первого подозреваемого — Георгия Хабарова — довели в камере СИЗО до такого состояния отчаяния, что он покончил с собой. 2. Второго невиновного человека признали психопатом и заперли в спецпсихбольницу, разрушив его жизнь. 3. Третьего — гражданина Титова — суд приговорил к высшей мере наказания (расстрелу)! Лишь случайная бюрократическая задержка с исполнением приговора спасла невиновного человека от смерти.

3. Патруль на реке Исеть и самосуд в камере

Пока невиновные люди гнили в тюрьмах и выслушивали смертные приговоры, настоящий душитель Николай Фефилов продолжал спокойно гулять по улицам Свердловска и убивать. На его счету было 7 доказанных жизней.

В апреле 1988 года старший лейтенант милиции, находившийся в ночном патрулировании в районе парка им. Маяковского, заметил в густых кустах у реки мужика, который с трудом тащил к воде тяжелый тюк. Патрульный бросился наперерез. В тюке находилось тело свежеубитой девочки. Фефилова скрутили прямо на месте с поличным.

Фефилов дал признательные показания и детально описал все преступления. Но до официального суда и расстрельного подвала он так и не дошел. В 1988 году в камере СИЗО сокамерники, узнав о том, кем он является и скольких невиновных людей из-за него отправили на плаху, устроили самосуд и задушили

Фефилова прямо на нарах.

ГЛАВА 19: ДЕЛО «ПЕРМСКОГО ЛЮДОЕДА» НИКОЛАЯ

ШАДРИНА (1980-е — НАЧАЛО 1990-х гг.) 1. Тень советской хрущевки

Это дело долгое время проходило под грифом глубочайшей секретности и хранилось в особых архивных папках нашего ведомства. Николай Шадрин жил в обычной пермской хрущевке, ходил по тем же улицам и ездил в тех же троллейбусах, что и миллионы советских граждан.

Шадрин много лет состоял на строгом учете в психоневрологическом диспансере с диагнозом «параноидная шизофрения», однако периодически выписывался домой в периоды так называемых ремиссий. Именно в эти периоды за закрытыми дверями его квартиры разворачивался кошмар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.